

ЦЕРКОВНЫМЪ ВЪДОМОСТЯМЪ,

ИЗДАВАЕМЫМЪ

ПРИ СВЯТѢЙШЕМЪ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩЕМЪ СЪНОДѢ.

№ 35

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ.

№ 35

С Л О В О

ВЪ ДЕНЬ СВЯТАГО БЛАГОВѢРНАГО ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ АЛЕКСАНДРА НЕВСКАГО.

Станите убо препоясати чресла ваша истинною
(Еф. 6, 14).

Память святаго благовѣрнаго князя Александра Невского — славнаго побѣдопоснаго витязя земли Русскіа — внушаетъ намъ мысль о духовномъ воинствованіи.

Каждый христіанинъ есть воинъ Христовъ, борющій противъ враговъ спасенія (2 Тим. 2, 3; Апок. 1, 21). Прежде всего настоптъ борьба съ самимъ собою. Какъ трудно бываетъ побороть и одинъ грѣховный навькъ, а сколько такихъ враговъ у человѣка! Затѣмъ идетъ борьба съ другими. Здѣсь не спасаетъ насъ и очагъ родной семьи. Какъ часто *врагами* чело- вѣку бываютъ *домашніе его!* (Мѡ. 10, 36). За сею неизбѣжною ни для кого борьбою встаетъ предъ нами этотъ грозный рядъ горькихъ испытаній жизненныхъ — лишеній, напастей, при- раженій злой клеветы, разрывы доро- гихъ связей: надобно удержаться въ вѣрѣ, упованіи и любви... Но предѣлы браннаго поля раздвигаются далѣе, чѣмъ можетъ обнять взоръ чело- вѣчскій, оставляютъ за собою и море и еушу, простираются въ воздушныя

пространства, и оттуда съ высотъ, или, вѣрнѣе сказать, изъ глубинъ безднъ поднебесныхъ (Еф. 6, 2) устрем- ляются на насъ разженные стрѣлы лу- каваго (Еф. 6, 12). Могъ ли знать праведный Іовъ, откуда пришли къ нему вдругъ, одна за другою, страш- ныя бѣды, и съ кѣмъ онъ долженъ былъ бороться? Иногда борьба одно- временно дѣлается общеою, ставятъ тысячи противъ тысячи и захваты- ваетъ всѣ стороны жизни и личной каждаго, и общественной, и граждан- ской, и даже церковной... Таковую страш- ную борьбу нельзя не видѣть и въ наше время, которое привыкли и до- селѣ не оставили называть временемъ смутнымъ и тяжкимъ.

Въ мѣрѣ скорби будете, сказала Господь, *но держайте, яко азъ побѣ- дихъ мѣрѣ* (Іоан. 16, 33). Тысячи славныхъ борцовъ съ торжествомъ вышли изъ этой жизненной борьбы и увѣнчаны славою на небѣ... Нынѣ чествуемый святой благовѣрный Але- ксандръ — одинъ изъ этихъ славныхъ борцовъ побѣдителей. Эти вѣнчанные

славной войны побѣдители, по милости Божіей, готовы помогать и намъ въ жизненной борьбѣ, какъ нѣкогда самому Александру явились съ помощію противъ враговъ святые Борисъ и Глѣбъ.

Воинъ долженъ быть вооруженъ, и вотъ апостолъ Павелъ представляетъ вооруженнаго воина Христова: здѣсь и броня, и шлемъ, и щитъ, и мечъ (Еф. 6, 14),—цѣлый рядъ оружія духовныхъ, столь сильныхъ, что всѣ разжиганныя стрѣлы лукаваго могутъ быть погашены. Но прежде чѣмъ встать на поле битвы и дѣйствовать оружіями брани, воинъ Христовъ долженъ быть препоясанъ истиною. *Станите убо препоясани чресла ваша истинною.* Что значать сии слова Апостола?

Самое ужасное въ брани это мракъ отъ гучи стрѣлъ, отъ облаковъ дыма, извергаемаго смертоносными орудіями. Гремятъ орудія, слышенъ свистъ пуль, шумъ, ни зги не видно: иди, одинъ Богъ знаетъ, что тебя ждетъ на каждомъ шагу. Своего рода дымомъ, густымъ и непрогляднымъ, застилается часто и поле битвы духовной. Что за напасть? Откуда? За что? Можно ли и какъ перенести? Скоро-ль кончится и кончится ли?—воспеваютъ страхъ и малодушіе... Но особенно этотъ мракъ и это смятеніе мыслей и чувствъ страшны и опасны во браняхъ великихъ, гдѣ изощряются особенныя усилія древняго змія въ тому, чтобы тьма покрыла землю и мракъ распростерся въ народахъ (Ис. 60, 2). Это и есть именно смута духовная, смѣшеніе мыслей и понятій самыхъ ясныхъ и простыхъ до подлаго ихъ извращенія. Явное преступленіе, говорятъ намъ или говорили въ недавнее время, вовсе не преступленіе, а только болѣзнь; гнуснѣйшій развратъ совѣмъ будто бы не порокъ, а необходимая дань природѣ и въ крайнемъ случаѣ увлеченіе;

эгоизмъ и гордость—это никакъ не грѣхи, а благородныя движенія, могущія быть источникомъ добра; хищеніе—одна изъ мѣръ житейскаго благоумія; самоубійство якобы подвигъ и чуть не геройство,—и вотъ самыя злыя преступники дерзко оправдываются, надъ священнѣйшими обязанностями родителей, супруговъ, дѣтей открыто глумятся, самыя крѣпкія связи, какова напр. супружеская, рвутся какъ паутина. Весь этотъ умственный и нравственный мракъ не возвращаетъ ли насъ ко временамъ язычества и притомъ самымъ послѣднимъ и тяжкимъ, когда міродержатель тьмы вѣка сего, показывая царства вселенной Спасителю міра, имѣлъ дерзость сказать Ему: „власть надъ всѣми семи царствами предана мнѣ“ (Лк. 4, 7). Что же прежде и болѣе всего нужно христіанину въ такомъ положеніи? Свѣтъ истины. Что такое истина? Это сама вещь, какъ она есть, само дѣло. Когда истина выступаетъ предъ очами людей, всѣ призраки, недоумѣнія, предразсудки исчезаютъ, и является просвѣщенному уму она, великая въ своей простотѣ. Каково жизнѣ должна быть и какова она теперь, что—заловѣдано и что воспрещено, откуда идетъ борьба и гдѣ конецъ ея, кто другъ и врагъ, кто предводители и соратники въ бою, откуда ждать помощи, гдѣ встать, что дѣлать—все это должно быть ясно воину Христову, какъ день. Только при свѣтѣ истины можно съ удобствомъ дѣйствовать и другими орудіями брани. Въ этомъ отношеніи всѣ эти оружія Апостолъ называетъ оружіями свѣта (Рим. 13, 12).

Какъ же найти и усвоить истину? Истина—это съ незапамятныхъ временъ предметъ исканій человѣческихъ, исканій самыхъ усиленныхъ и напряженныхъ. Главные провозвѣстники истины, на сколько она доступна человѣ-

ву,—наука, и въ особенности наука изъ наукъ, философія и искусство. Первая старается уяснить основные законы бытія тварей и выражаетъ ихъ въ властномъ и авторитетномъ словѣ. Такъ называемыя философскія идеи имѣютъ значеніе не въ однихъ кабинетахъ ученыхъ: тысячу незримыхъ путей они проникаютъ въ умы и сердца людей, никогда о философіи не слыжавшихъ, и отражаются въ направленіи дѣльхъ эпохъ. Художникъ старается уловить истину въ случайныхъ и преходящихъ явленіяхъ и выражаетъ ее въ живомъ образѣ, который впечатлѣвается въ памяти народовъ и отражается въ пастореніи дѣльхъ поколѣній. Что-же? Не дадутъ ли и теперь, въ виду кровной нужды нашей, эти свѣточки истины человѣческой нужного намъ свѣта? Увы, и наука и сама философская наука и искусство въ настоящее время оказываются безсильными въ дѣлѣ своего высокаго призванія, а иногда только еще болѣе стучаютъ сумракъ нашего смутнаго времени... Что дѣлаетъ наука? Роеся въ землѣ и хвалится, если какое-либо случайное открытіе можетъ противопоставить вѣковымъ истинамъ религіи. Два—три не проверенныхъ, не разъясненныхъ явленія, и сейчасъ же выводъ и непременно въ подрывъ вѣрѣ... Другіе устремляютъ дальнорукія стекла въ туманныя звѣзды и слышать заявить, что обыскали все небо, а Бога не нашли. Иные всѣ усилія прилагаютъ къ тому, чтобы сгладить вѣчную и непреходимую грань, отдѣляющую истинную Богооткровенную религію отъ ложныхъ, и явно нечестивыя стремленія вѣка ухищряются возводить на степень какъ бы серьезныхъ убѣжденій и даже догматовъ новой вѣры. Всѣхъ не только умащаетъ, но и изумляетъ какъ пѣчто чрезвычайно странное,—эта, развив-

шаяся въ послѣднее время, склонность къ самоубійствамъ, при самоубійшемъ поводѣ и даже совѣмъ безъ него. Теперь уже разъясняется, какое страшное вліяніе на современное поколѣніе и въ особенности воспримчивую молодежь произвели эти такъ называемыя пессимистическія идеи философовъ послѣдняго времени... А искусство? Не изощрется ли оно въ разукрашеніи разныхъ видовъ порока, для прельщенія чувственности? Да, было время, когда оно для своихъ изображеній брало предметы изъ высшаго духовнаго міра и живою и сердечною вѣрою возвышалось до чудныхъ образовъ небесной красоты. Теперь не то: если и берутся для кисти и рѣзца предметы изъ высшей духовной области, то развѣдающимъ невѣріемъ нашего времени они извращаются и ниспускаются до жалкихъ изображеній, такъ тиготно знакомаго, низменнаго земнаго быта. Движеніе нашего смутнаго времени таково, что сбиваетъ и истинныхъ художниковъ съ ихъ надлежащаго, повидимому такъ твердо налаженнаго предыдущее ихъ дѣятельности, пути. Предъ нами художникъ слова, завоевавшій себѣ почетное, даже, можно сказать, первенствующее мѣсто въ ряду собратій, давшей столько живыхъ образовъ изъ жизни народной и современной и изъ недавняго прошлаго, увлекавшій читателей ясною живою образною рѣчью. Покинувъ привычную область труда, съ предзанятымъ духомъ растлѣвающаго невѣрія, неготовый, беспомощный, онъ устремляется къ разрѣшенію высшихъ вопросовъ вѣры, и вотъ, вмѣсто блестящихъ образовъ творческой фантазіи, являются до нельзя слабые, до крайности противорѣчивыя, болѣзненно трудныя мечтанія и, что всего прискорбнѣе, тьмою легковѣр-

ныхъ принимаются за истину и распространяются всюду. Итакъ, и эти свѣточи научной и художественной истины видимо погружаются въ тьму вѣка и гаснутъ въ рукахъ даже избранныхъ ихъ носителей. Гдѣ же искать истины, и есть ли она, какъ нѣкогда спрашивалъ, отчаявшійся въ ея бытіи и потопшій въ невѣріи язычникъ (Іоан. 18, 38). — Есть „истина Божія“ (Рим. 15, 8), „истина Христова“ (2 Кор. 11, 10), теперь, послѣ 18-ти вѣковъ существованія христіанства, уже прославленная побѣдительница міра (1 Иоан. 5, 4). Гдѣ она? въ церкви христіанской православной. Почему Господь не вѣрилъ истины тѣмъ свѣточамъ, которые Самъ же возжегъ и возжигаетъ въ родѣ человѣческомъ? Потому, что и эти свѣточи не непричастны грѣху. Пусть же не тотъ, или другой человѣкъ, какъ бы высоко ни былъ онъ одаренъ или поставленъ, будетъ ея хранителемъ, а вся совокупность умовъ и сердецъ истинно-вѣрующихъ людей, пастырей и пасомыхъ, составляющихъ церковь. Бывали такия времена въ церкви, когда и риторы и философы и гражданскіе правители и нѣкоторые даже изъ церковныхъ правителей уклонялись на сторону какого-либо заблужденія: но въ эти трудныя и тяжелыя времена церкви являлись сильныя духомъ провозвѣстники истины, и за ними, дѣйствовавшими повидимому одиноко, стояло необозримое множество вѣрующихъ въ простотѣ сердца, искренно преданныхъ истинѣ, и побѣда склонялась на ея сторону, и имена Аванасіевъ и Василіевъ вѣнчались славою, какъ несокрушимыхъ борцовъ православія и столповъ церкви... Но и не въ этой совокупности истинно вѣрующихъ главная сила церкви, а въ тѣхъ великихъ обѣтованіяхъ, ка-

кими оградила ее Господь, и въ тѣхъ чрезвычайныхъ дарованіяхъ Божественной благодати, которыми она преисполнена. Эта неизблемо хранимая церковію истина Христова и теперь свѣтитъ и грѣетъ въ мірѣ, при всемъ мракѣ и хладѣ человѣческихъ заблужденій, какъ въ ненастный день свѣтитъ и грѣетъ тоже солнце, хотя и невидное за облаками. И не только свѣтитъ и грѣетъ истина Христова, но и творитъ свое великое дѣло, можетъ быть сильнѣе и тверже, чѣмъ въ другія обыкновенныя времена: преобразуетъ сообразно своему духу взгляды, нравы и убѣжденія людей. Апостолъ Павелъ говоритъ, что *предъ именемъ Господа Іисуса Христа* должно преклониться *всякое колѣно небесныхъ, земныхъ и преисподнихъ* (Фил. 3, 9—10). Придетъ время, когда и этотъ родъ, столь надменный успѣхами наукъ и общежитія, сознаетъ свое безсиліе предъ истинною Христовою и обратится къ помощи свыше. И заря этого торжества истины Христовой уже видна, уже сіяетъ яркими лучами: сколько противныхъ ей ученій, казавшихся лѣтъ 10—20 тому назадъ несокрушимыми, уже пошатнулось и пало; сколько заявляется самыхъ искреннихъ желаній, чтобы возвратилось прежнее благодѣтельное вліяніе церкви, столь памятное по недавнему прошлому, когда подъ сѣнію ея, при соблюденіи ея правилъ и уставовъ, такъ легко жилось, такъ просто и успѣшно совершалось, столь тяжкое теперь, воспитаніе и устроеніе дѣтей, и семьи были такъ крѣпки и счастливы... Да, уже восходить, уже взошла звѣзда, которая воцарится и нашего времени и приведетъ поклониться Христу.

Итакъ, первая обязанность воина Христова — всемирно стараться объ усвоеніи истины изъ тѣхъ источниковъ, какіе указуются церковію: изъ слова

Божія, по разуму и толкованію церкви, носительницы и провозвѣстницы истины Христовой, изъ твореній святыхъ отцевъ и учителей церкви, запечатлѣвшихъ ученіе свое святостію жизни, изъ наставленій пастырей и учителей церкви, которымъ теперь Господь ввѣрилъ пасеніе Своего стада. Съ ясностію мысли, просвѣщенной истинною, соединяются твердость убѣжденія и непреклонность въ дѣйствіи. *Вѣмъ, емуже отровахъ* (2 Тим. 1, 12), *не можемъ мы, яже видѣхомъ и слышавомъ, не малолати* (Дѣян. 4, 20). *Поовиноватися подобаетъ Господеву наче, нежели человеткомъ* (Дѣян. 5, 29) — вотъ слова препоясанныхъ истинною. Знаю о себѣ волю Господню, воинъ Христовъ твердо стоитъ на томъ мѣстѣ, гдѣ поставленъ, неизблемо сохраняетъ свое положеніе и исполняетъ свой долгъ. Въ церкви христіанской, при единомысліи и взаимной любви связующихъ ее членовъ, строго обособлены ихъ положенія, какъ положеніе членовъ въ одномъ тѣлѣ. „Не можетъ глазъ сказать рукѣ: ты мнѣ не надобна или также голова ногамъ: вы мнѣ не нужны“ (1 Кор. 12, 21). Но глазъ, голова, руки и ноги сильны только на своемъ мѣстѣ и при отправленіи своихъ обязанностей. Къ признакамъ опустошенія земли и разрушенія вселенной пророкъ Исаія относитъ: если „будутъ людіе аки жрецъ, и рабъ аки господинъ, и раба аки господа“ (24, 2). Сколько и въ наше время зла произошло отъ того, что имѣющіе власть принимали ее предъ подчиненными, родители себя ставили въ уровень съ дѣтьми, и все это прикрывалось дорогими именами человетколюбія и свободы. Апостолъ Павелъ учитъ насъ *истинствоватъ отъ самой любви* (Еф. 4, 14. 15). „Почему такъ поступаю?“ спрашиваетъ онъ Коринѳяны, „потому ли, что не люблю васъ?

Богу извѣстно. Но какъ поступаю, такъ и буду поступать“? (2 Кор. 11, 11). „*Уразумѣйте истину, и истина свободитъ вы* (Іоан. 8, 32) отъ всякихъ недоразумѣній, пристрастій, ошибокъ и претъновеній. Препоясаніе истинною — образъ взятый съ одѣянія. Поясъ удерживаетъ полы одежды, чтобы онѣ не возметались при движеніи, поясъ въ тоже время даетъ постоянно чувствовать, что ты долженъ дѣйствовать, а не спать... Препоясанный истинною постоянно бодрствуетъ надъ собою, какъ бы не сдѣлать, не помыслить чего противнаго волѣ Божіей, и сосредоточиваетъ всѣ мысли и чувства на исполненіи своихъ обязанностей. Истина Христова не даетъ его уму успокоиться, почить на возглавіи лѣни и грѣха, и постоянно устремляетъ мысль его къ тѣмъ обязанностямъ, которыя возложилъ на него Господь, и къ тому отвѣту на страшномъ судѣ, который онъ долженъ дать предъ Нимъ. Отсюда образуется въ душѣ постоянное памятованіе о Богѣ, небѣ, вѣчности, сопутствующее уму и сердцу во всѣхъ ихъ движеніяхъ, и та непрестанная молитва, которую заповѣдуетъ намъ Апостолъ (1 Сол. 5, 17).

Ученіе святаго Апостола о препоясаніи истинною, столь потребное намъ особенно теперь, не переноситъ ли нашей мысли, съ отрадною надеждою жизни и свободы, къ верховному Вождю Россіи, о которомъ теперь миллионы преданныхъ и любящихъ сердецъ возносятъ къ Богу усердныя молитвы? Что можетъ быть выше того положенія, въ которое поставилъ Его Господь, и какою свѣтлою истинною препоясана Его жизнь — высокий образецъ для подданныхъ! Какою истинною препоясуются Его царственные дѣла и начинанія! При молитвенномъ желаніи Ему отъ всего сердца благо-

денственнаго и мирнаго житія, сами собою приходятъ на мысль слова боговдохновеннаго пѣвца о великомъ Царѣ, образъ Коего представляютъ цари земные: такъ удобно и легко примѣняются они къ нашему возлюбленному Царю, помазаннику Божію. *Препояши мечъ твой по бедръ твоихъ, сильне, красотою своею и добротою своею: и налицы, и устывай, и царствуй истинны ради, и кротости и правды: и наставитъ тя динои десница Господня* (Пс. 44, 4, 5). Аминь.

Мысли о воспитаніи въ духѣ православія и народности *).

Наказанія, награды, похвалы, порицанія, ласки. Представляется вопросъ: слѣдуетъ ли допускать тѣлесное наказаніе въ домашнемъ воспитаніи съ дѣтьми до школьнаго возраста?

Присматриваясь къ дѣтямъ, мы замѣчаемъ, что ребенокъ, для котораго достаточно одного нравственнаго воздѣйствія, чуть ли не составляетъ исключенія, и вспоминаются слова Соломона: *Безуміе виситъ на сердцѣ юнаго*; такъ что страхъ наказанія едва ли не необходимая принадлежность строгаго воспитанія.

При систематичности и благоразумной строгости воспитанія, растворяемой любовью, можетъ быть, и придется ограничиться страхомъ наказанія, что, конечно, и желательно.

Если и допустить въ домашнемъ воспитаніи тѣлесное наказаніе, то лишь какъ необходимое зло, въ самыхъ рѣдкихъ и крайнихъ случаяхъ, примѣнять его не въ минуту вспышки гнѣва на ребенка и любовью смягчать наказаніе.

Въ Новомъ Завѣтѣ мы читаемъ такіа указанія относительно обращенія съ дѣтьми. *„И отцы, не раздражайте чадъ своихъ, но воспитывайте ихъ въ наказаніи и ученіи Господни“* (Ефес.

гл. 6, 4). *„Отцы, не раздражайте чадъ вашихъ, да не унываютъ“*. (Колос. гл. 3, 21).

Во всякомъ случаѣ къ тѣлесному наказанію нужно прибѣгать какъ можно рѣже: часто употребляемое тѣлесное наказаніе притупляетъ чувствительность и теряетъ силу. Тѣлесное наказаніе не должно производить при другихъ, это непремѣнное правило.

„Слово жестоко воздвигаетъ гнѣвъ“, говоритъ Соломонъ (Кн. Притч. Соломоновыхъ гл. 15, 1). Иное слово оскорбитъ сильнѣе удара; *„Суть, иже маломоще узвываютъ яко мечи“*. (Кн. Притч. Соломоновыхъ гл. 12, 18). И не столько оскорбляетъ и уязвляетъ бранное слово, во гнѣвъ сказанное, сколько злая и холодная насмѣшка. Грубыхъ и оскорбительныхъ словъ родители должны избѣгать и потому, что такіа слова раздражаютъ дѣтей и портятъ ихъ характеръ, и потому, что дѣти, по своей переимчивости, скоро усваиваютъ эти слова.

Что касается наградъ, то по нашему мнѣнію, награды не должны имѣть мѣста въ системѣ домашняго воспитанія, мы не въ состояніи даже понять, какой такой особенный, исключительный, заслуживающій награды подвигъ можетъ сдѣлать ребенокъ? Привыкнувъ въ дѣтствѣ ждать награды или платы за каждый исполненный долгъ, за каждое хорошее дѣло, онъ впоследствии не будетъ ли ждать платы за каждый свой шагъ? Не воспитываются ли такими наградами люди, стремящіяся, въ продолженіи всей своей жизни, приобретать и приобретать? Не усилятся ли этимъ способомъ воспитанія и безъ того сильно развитая въ настоящее время страсть къ стяжанію во что бы то ни стало, страсть пагубная, замораживающая всѣ теплыя побужденія души?

Слѣдовательно, спросать насъ, награда должна быть замѣняема похвалою? Да, похвалою, одобреніемъ. За хорошій поступокъ, за добросовѣстное исполненіе долга достаточно похвалить ребенка. Но слѣдуетъ хвалить за дѣло, за то, къ чему приложенъ былъ трудъ ребенка, а не за то, что дано ему самою природою.

*) Окончаніе. См. № 31 Приб. въ „Церк. Вѣд.“